

— Какая следующая жизнь? Я заставлю тебя быть со мной в каждой жизни!

— Бай Цзыюэ, если ты посмеешь умереть, я пойду за тобой и в Преисподнюю, и в Небесный дворец! Ты хочешь избежать меня? Забудь! Я, Циянь Хаои, сдержу своё слово!

Чёрт, он действительно довёл себя до состояния, когда не человек и не призрак! Разве нельзя забыть, что он здесь для испытаний? Разве он забыл уроки прошлой жизни? Он вообще собирается проходить испытания? Хотя, с другой стороны, зачем мне это так ясно помнить? Я уже вернулся, сделал всё, что мог, и даже больше. Почему я до сих пор переживаю?

Бай Юэцзэ стиснул зубы от злости:

— Гнилое дерево нельзя вырезать!

Сказав это, он не был уверен, к кому относились эти слова — к себе или к тому, кто сейчас больше похож на призрака, чем на человека.

— Цзыюэ, ты никогда не узнаешь, как сильно я тебя люблю. Выйди за меня, стань моей принцессой...

Глубокий и чарующий голос Циянь Хаои снова не вовремя прозвучал в ушах Бай Юэцзэ, и он чуть не упал с неба.

Хватит! Бай Юэцзэ был настолько расстроен, что даже не хотел возвращаться на остров Инчжоу. Подумав, он махнул рукой, не позволив Цзиньбао, Иньбао и Тунцяню следовать за ним, и спустился в резиденцию четвёртого принца Лян.

Резиденция четвёртого принца Лян в столице была невелика, но её восточный и западный дворы были изысканно устроены, с множеством павильонов и галерей. Обычный человек, войдя сюда, наверняка заблудился. Бай Юэцзэ некоторое время постоял во дворе, затем, опираясь на воспоминания Бай Цзыюэ из прошлой жизни, направился к восточному двору. Он использовал магию невидимости, выбрал тихие и малолюдные тропинки, никого не потревожив.

В боковом дворе восточного крыла находилось место, где жил Бай Цзыюэ при жизни. Ни одна травинка, ни одно дерево не изменились, и Бай Юэцзэ на мгновение почувствовал себя потерянным. Вдруг из одной из комнат послышался плач младенца. Бай Юэцзэ вздрогнул и поспешил туда.

Проникнув сквозь стену, он увидел в центре комнаты колыбель, в которой младенец плакал навзрыд. Энергия, исходящая от ребёнка, была явной, и Бай Юэцзэ понял, кто это, даже не подойдя ближе. Сердце его сжалось, и шаги стали тяжелее. Наконец, подойдя к колыбели, он увидел годовалого малыша, похожего на вырезанного из нефрита. Ребёнок крепко зажмурился, его маленькие ручки судорожно хватали воздух, а плач был полон отчаяния. Бай Юэцзэ инстинктивно протянул руку, чтобы взять его, но, вспомнив, где он находится, замер.

Для практикующего совершенствование самое страшное — это потерять контроль над своими мыслями. Бай Юэцзэ закрыл глаза и глубоко вдохнул. Сегодня он уже сделал слишком много того, чего не должен был. Это было совсем не похоже на него. Он хотел лишь посмотреть, как живут люди в резиденции четвёртого принца, не вмешиваясь в дела смертных. Теперь, увидев, что ребёнок в порядке, он должен уйти, не задерживаясь. Бай Юэцзэ успокоил свои эмоции и уже собирался уйти, но в тот момент, когда он убрал руку, младенец в колыбели, словно почувствовав это, схватил его рукав и заплакал ещё громче.

Бай Юэцзэ остановился, и в его сердце внезапно поднялась волна грусти.

Чисяо... Это имя дал своему новорождённому сыну Бай Цзыюэ перед смертью...

«Нести на спине небо, касаться красного небосвода...» — так Бай Цзыюэ мечтал о своём ребёнке...

Бай Юэцзэ вздохнул, подняв голову. Что со мной сегодня? Почему я так нервничаю? Это совсем не похоже на практикующего совершенствование. Он сжал сердце и вырвал рукав из рук ребёнка. Но малыш, казалось, не собирался отпускать его. Он широко раскрыл свои большие чёрные глаза, пытаясь сесть, и плакал ещё громче, явно требуя, чтобы Бай Юэцзэ взял его на руки. Малыш ещё не мог говорить, но упорно повторял один простой звук. Бай Юэцзэ прислушался и понял, что это было «да».

Да? Бай Юэцзэ был озадачен. Он посмотрел на протянутую руку ребёнка и его заплаканное личико и вдруг понял, что тот хотел сказать.

Малыш звал его. Ребёнок ещё не мог произнести «папа», и звук «да» был его попыткой сказать это...

Связь между отцом и сыном? Даже если я больше не тот человек, ты всё равно узнаёшь меня? Даже если я использую магию, ты знаешь, кто я?

Глаза Бай Юэцзэ наполнились слезами, и он, не раздумывая, взял ребёнка на руки, мягко успокаивая:

— Сяо-эр, не плачь, папа здесь, папа с тобой...

Бай Юэцзэ успокаивал ребёнка, чувствуя вину, но больше — гнев. Сяо-эр плакал так долго, а в резиденции никого не было. Они что, оглохли? Циянь Хаои, ты явно не даёшь мне покоя... Но в следующее мгновение Бай Юэцзэ понял: тот человек довёл себя до состояния полумёртвого, ему сейчас не до ребёнка. Видимо, резиденцией управляет наложница четвёртого принца, Э Ли.

Э Ли была дочерью министра обороны Лян, Сяо Ци. Ещё до того, как Бай Цзыюэ прибыл в Лян, она была наложницей Циянь Хаои. Семья Сяо надеялась, что, когда Циянь Хаои достигнет совершеннолетия, Э Ли станет его главной женой. Но вместо этого он отправился за тысячи ли, чтобы жениться на мужчине из У. Поэтому эта женщина питала к Бай Цзыюэ глубокую ненависть. Если бы она не встала между Циянь Хаои и Бай Цзыюэ, возможно, у них не было бы столько трудностей и сожалений. Слухи о Бай Цзыюэ и Циянь Тай, двоюродном брате Циянь Хаои, были её рук делом. Теперь, когда Бай Цзыюэ наконец исчез, как она и хотела, она вряд ли хорошо относится к его ребёнку.

Вспомнив Э Ли, Бай Юэцзэ почувствовал, как в нём снова закипает гнев. Он действительно не понимал, что задумал Старик Судьба. Если уж решил женить Бай Цзыюэ, зачем было ставить между ними эту женщину? В итоге и Бай Цзыюэ, и Циянь Хаои страдали, а эта женщина страдала ещё больше. Циянь Хаои не выполнил свою миссию, а Бай Цзыюэ вернулся в Небесное царство. Это было настоящим... беспорядком... Бай Юэцзэ мысленно добавил ещё один пункт к списку претензий к Старика Судьбе.

Но, по правде говоря, это нельзя было винить Старика Судьбу. Кто мог предположить, что два мужчины, Циянь Хаои и Бай Цзыюэ, действительно разожгут такую искру? Даже сам Бай Цзыюэ никогда бы не признал этого, не говоря уже о посторонних. Поэтому, когда все в Палате

Судеб Семи Звёзд поняли, что натворили, они изо всех сил пытались исправить ситуацию. Одним из решений было дать Циянь Хаои ещё одну наложницу. Вдруг он не полюбит мужчину, и тогда будет запасной вариант. Иначе, когда его жизнь в этом мире закончится и он вернётся в Небесное царство, всем придётся несладко.

Бай Юэцзэ посмотрел на ребёнка в своих руках, его узкие глаза прищурились, а уголки губ слегка приподнялись. В прошлой жизни Бай Цзыюэ был спокойным и благородным, он не хотел соперничать с женщиной. Но Бай Юэцзэ всегда был тем, кто мог обвести вокруг пальца, но никогда не позволял обмануть себя. Теперь, когда он вернулся в Небесное царство, это не означало, что он позволит этой женщине делать всё, что ей вздумается.

Сяо-эр, устав от плача, всё же не хотел спать, его маленький ротик продолжал шевелиться, а головка терлась о грудь Бай Юэцзэ, требуя внимания. Бай Юэцзэ понял, что ребёнок голоден, но в резиденции по-прежнему никого не было. Он больше не злился, просто использовал магию, чтобы никто не мог войти в комнату, и создал чашу небесного нектара, медленно кормя ребёнка маленькой ложкой. Когда малыш наелся, он перестал плакать, но его маленькие ручки всё ещё крепко держались за одежду Бай Юэцзэ, словно боясь, что он снова оставит его одного.

Бай Юэцзэ тихо вздохнул, чувствуя себя в затруднительном положении. Он не мог забрать ребёнка в Небесное царство, но оставлять его одного в резиденции тоже было невыносимо. Сегодня он успел вовремя, и ребёнок не голодал. Но что было раньше? Как он страдал от голода... Бай Юэцзэ почувствовал, как сердце его сжалось.

[Система]: Остров Инчжоу — мифическое место в даосской традиции, обитель бессмертных.

[Примечание]: Имя «Чисяо» буквально означает «Алый небосвод».

<http://bllate.org/book/17679/1648044>